

Несколько младших служанок в комнате совместными усилиями уложили Мэн Цина, ставшего после погружения в глубокий сон необычайно тяжёлым, на кровать. Затем они проводили взглядами поклонившегося Мэн Чао, который пятился к выходу, и выстроились по обеим сторонам у дверей.

В комнате остались лишь преданная пожилая матушка и сама Мэн Чао.

При мерцающем, то вспыхивающем, то потухающем свете свечей выражение лица Мэн Чао казалось донельзя мрачным и непроницаемым. Стоявшая рядом матушка слегка качнула ногой, но тут же отступила назад.

— Барышня, неужели всё должно быть так спешно?

Мэн Чао осторожно провела рукой по прядям волос Мэн Цина, рассыпавшимся по лицу. Тот спал мертвецким сном, ничего не подозревая, и на его губах даже играла лёгкая улыбка.

— Нельзя допустить, чтобы он узнал... Дед отправился в Цзинду исключительно ради партии сторонников первого министра. Нынешний император глуп и распутен, глава кабинета своевольничает и держится дерзко. Он уже несколько раз оскорблял монарха и преступал закон, но никто не смеет слова сказать. Видя, что императору приходит конец, даже ради простого народа Поднебесной А-Цин ни в коем случае не должен больше иметь ничего общего с кланом Инь.

Матушка дважды шевельнула губами, но так ничего и не произнесла. Горько вздохнув, она снова скрылась в тени.

Се Биань и Фань Уцзю всё это время наблюдали со стороны. Только теперь Се Биань неожиданно подумал:

— Сейчас царит династия Ся, император бездарен и глуп, при дворе правят продажные чиновники, а новый чжуаньюань Инь Сю помог взойти на престол новому государю и усмирил наводнение в Цзяньане...

Как же человек, сдававший столь многое во благо страны и народа, мог оказаться бессердечным предателем?

Се Биань невольно посмотрел на безмятежное лицо спящего Мэн Цина: перед ним явно всё ещё был ребенок, не ведающий житейских забот.

— Матушка Ли, — Мэн Чао еще немного посмотрела на Мэн Цина, а затем сняла с запястья белый нефритовый браслет и передала ей. — Это оставил отец перед уходом. После прибытия в Цзинду дед распорядится отправить А-Цин из столицы. Ты поедешь с ним и не позволишь ему сделать в Цзинду больше ни шагу.

Мэн Чао еще раз взглянула на Мэн Цина и произнесла:

— Разотри этот браслет в порошок, размешай в воде и дай ему выпить — тогда он очнется.

— Барышня! — матушка Ли мгновенно испугалась, в панике рухнула на коленки, а на ее лице отразилось предельное смятение. — Путь впереди неведом, но ведь господин вовсе не обязательно погибнет! Барышня, молодой господин еще так мал, а старуха знает всего несколько иероглифов...

— Разве я сама не понимаю? — слёзы на глазах Мэн Чао лились непрекращающимся потоком. — Здоровье мое и без того слабое, а то, что дед разрешил мне отправиться в Цзинду вместе с ним — уже великая милость... Клан Мэн больше не может лишиться А-Цина.

После этого обе женщины обнялись и горько заплакали. Се Биань опустил взгляд и вместе с Фань Уцзю вышел за дверь.

— Нынешний первый министр при дворе — Чжань Чжюань, он находится на госслужбе уже тридцать семь лет, а сейчас ему пятьдесят семь, и его карьере вполне можно назвать стремительным взлетом. Но стоит человеку состариться и достичь такого положения, как неизбежно появляются злодейские помыслы о престоле. — Се Биань прекрасно разбирался в человеческих делах, и после услышанного разговора всё легко встало на свои места. — Клан Инь принадлежит к людям Чжаня, так что они, судя по всему, оказались прямыми противниками клана Мэн. Если я не ошибаюсь, в Поднебесной вот-вот начнется смута.

— Духи Подземного Мира не бунтуют, — Фань Уцзю тронул нахмуренные брови Се Бианя. — Упокоенных душ на Мосту Найхэ совсем мало. Эта битва должна обойтись без кровопролития, а нового Сына Неба зовут Лун Чжао — судя по записям Звездного Владыки Цзывэй, он должен стать просвещенным правителем.

Что было в той чашке с лекарством, они не знали, однако на следующий день Мэн Цин так и не проснулся.

В Резиденции Мэн царило оживление, но Инь Сю так и не появился ни разу. Се Биань наблюдал, как в спешке собирают вещи, и глядя на практически пустую повозку Мэн Цина, потер нос, не зная, как заговорить.

— А Шэ... — замялся Се Биань.

Фань Уцзю помрачнел, отвернулся и бросил на тревожное лицо Се Бианя косой взгляд, легко фыркнув:

— Сам ступай.

Се Биань улыбнулся, сжав губы:

— Как только выдастся свободная минутка, я приду навестить тебя.

После входа в Зеркальный пруд Башни Колеса Перерождения передавать звуки между двумя мирами было чрезвычайно хлопотно, да и по времени выходило примерно так же, как в мире смертных.

Он сам к тому же выбился из сил и больше не мог пользоваться техникой сокращения расстояний.

— Ты в последнее время хвораешь, я сам приду проведать тебя, — бросил Фань Уцзю и, словно боясь передумать, тут же отдалился от Се Бианя.

Губы Се Бианя тронула улыбка. Стоя на месте, он дождался, пока фигура Фань Уцзю скроется из виду, а затем повернулся и последовал за обозом.

*

Всё произошло ровно так, как и задумывалось в ту ночь: в Цзинду для них уже подготовили отдельную усадьбу. Лицо Мэн Чао по прибытии в столицу осунулось до неузнаваемости — хуже некуда. Се Биань стоял напротив нее и даже отчетливо ощущал мертвенно-бледное дыхание смерти.

Этот ребенок, судя по всему, уже обрел прежние воспоминания, и смертное тело больше не могло выдерживать мощную душу из рода Небесного Лиса с Девятью Хвостами.

Старейшина клан Мэн за это время наведывался лишь единожды: обсудив с Мэн Чао вопросы обустройства Мэн Цина, он в спешке удалился.

Хотя видеться лично они не могли, у них оставалась возможность общаться посредством водного зеркала.

Впервые увидев лицо Фань Уцзю перед собой, Се Биань даже растерялся, но тут же вспомнил, что само это зеркало он подарил Фань Уцзю на день рождения в честь столетия со дня его смерти.

Фань Уцзю, судя по всему, был искренне рад подарку: пусть это и не бросалось в глаза, но его изогнутые брови и то и дело приподнимающиеся уголки губ выдавали его с головой.

Тогда он, сжимая в руке только что полученное зеркальце, расхаживал по галереям Дворца Преисподней и, стоило ему зайти в какой-нибудь укромный уголок, тут же заглядывал в него,

проверяя, чем занимается другой.

Се Биань тронул губы улыбкой, подумав, что Фань Уцзю в те моменты выглядел до умиления очаровательно.

— Чанъань, в те дни, когда клан Мэн уезжал, Инь Сю заперли в комнате, снаружи дежурили четверо слуг, и даже служанки были отобраны из людей госпожи старейшины, — Фань Уцзю быстро ввел Се Бианя в курс дела, а затем добавил: — Еще несколько дней назад в клане Инь не было покоя. Старейшина потеряла сознание несколько дней назад и до сих пор не пришла в себя, лекарь говорит, что жить ей осталось недолго.

Се Биань понимающе кивнул, разглядывая сквозь гладь зеркала сгустки густой смерти и обиды, витавшие над всей усадьбой клана Инь.

— Инь Сю уже получил весточку от клана Мэн? — Се Биань оглянулся через плечо. С момента их отъезда из Сучжоу в Цзинду прошло уже более пяти месяцев, однако Мэн Цин по-прежнему оставался таким же, как в ту ночь: спал безмятежным сном, ничего не ел, не пил и даже нужду не справлял.

— Получил, — бесстрастно ответил Фань Уцзю. Он слегка взмахнул рукой перед зеркалом, и прямо перед глазами Се Бианя возник лист бумаги, скопированный с оригинала.

Глаза Се Бианя вмиг округлились:

— Как такое возможно?

Там черным по белому красовался почерк Мэн Цина, четко извещавшего, что ему уже подобрали пару, и если подсчитать время, свадьба должна была состояться ровно через месяц.

— Когда было отправлено письмо?

— На второй день после прибытия клана Мэн в столицу, — ответил Фань Уцзю. — Письмо доставила служанка из окружения Мэн Чао, а вернувшись назад, она умерла.

— ... — Се Биань на мгновение умолк.

— Мэн Чао уже знает, что она не простая смертная, и ни за что не стала бы запятнать себя кровью понапрасну. А письмо отнесла ее личная служанка... — Се Биань закусил губу и неожиданно произнес: — Похоже, руку приложил старейшина клана Мэн.

Фань Уцзю не стал продолжать разговор об умершей служанке и перевел тему:

— Получив послание, Инь Сю не произнес ни слова и заперся в кабинете, никуда больше не выходя... Глядя на него, я бы не сказал, что он обычный смертный.

Услышав это, Се Биань усмехнулся, обменялся с Фань Уцзю еще пара фразами и отключил зеркальную связь. Тем не менее, отступив на два шага назад, он тяжело оперся о подлокотник стула и обессиленно опустился на сиденье.

*

Такая внешне тихая жизнь продолжалась недолго. В то самое утро, когда Мэн Чао за руку привела вошедшую матушку Ли с котомкой за плечами, Се Биань понял — время пришло.

Несколько слуг бережно проводили Мэн Чао до повозки. Матушка Ли еще немного поплакала вместе с ней, а затем, утерев слёзы, забралась внутрь и, прижимая к груди узелок, провожала взглядом удаляющуюся Мэн Чао, пока та окончательно не скрылась из виду. Лишь после этого она достала из котомки небольшой сверток с лекарством, высыпала его в бурдюк с водой и хорошенько взболтала.

Се Биань следовал за ними весь путь, наблюдая, как матушка Ли пожаловалась на утомительную дорогу и пожелала немного передохнуть, после чего протянула слуге воды.

Слуга выпил воду и замертво рухнул у обочины. Матушка Ли поплотнее устроила его тело, взобралась на козлы и помчалась на повозке на запад, больше ни разу не обернувшись.

В то же самое время перед ним неожиданно всплыло изображение водного зеркала.

Появилось бесстрастное лицо Фань Уцзю. Се Биань мельком заглянул в щель и увидел вокруг сплошную белизну траурных одежд.

— Скончалась госпожа Инь? — первой мыслью Се Бианя было именно это, но к его удивлению, Фань Уцзю покачал головой.

— Раз там всего один человек, в твоей помощи я не нуждаюсь, — холодный голос Фань Уцзю донесся из зеркала. Перед тем как отвести зеркало от себя, он перевел взгляд на то, что творилось снаружи.

Помимо развешанных по стенам еще нетронутых белых траурных полотен... повсюду виднелись лужи свежей крови.

Лицо Се Бианя мгновенно переменялось.

В этот момент Фань Уцзю вновь развернул зеркало к себе и произнес:

— Клан Инь за одну ночь был полностью истреблен, во всем роду в живых не осталось никого, кроме Инь Сю.

— Нападавшие носили на телах отличительные знаки императорской гвардии, — Фань Уцзю окинул взглядом окрестности и извлек откуда-то обрывок ткани, на котором смутно виднелся иероглиф «Стража».

Нынешняя императорская гвардия подчиняется клану Мэн... Се Биань на мгновение остолбенел, а затем произнес:

— Раз улика столь очевидна, как Инь Сю мог в это поверить?

— Никто бы не поверил, — нахмурился Фань Уцзю. — Но у предводителя нападавших было лицо Мэн Цина.

Се Биань опешил.

— Как такое возможно? — подумав, произнес Се Биань. — Насколько мне известно, среди смертных немало искусных мастеров и диковинных умельцев, неужели это маскировка?

Фань Уцзю кивнул и добавил:

— На лице того главара была какая-то пленка, похожая на околоплодную мембрану, исполнено поистине мастерски.

Сделав паузу, он продолжил:

— Среди тех, с кем переписывался Инь Сю, немало высокопоставленных чиновников, а в клане Инь уже давно было беспокойно. Он, должно быть, полагал, что сможет защитить Мэн Цина в одиночку, но никак не ожидал коварства при дворе — он проявил слишком много беспечности.

Се Биань тоже помрачнел от таких новостей:

— Где сейчас Инь Сю?

— ...Его забрали дальние родственники клана Инь, сейчас они, должно быть, уже в пути в столицу. Фань Уцзю коснулся подбородка, взмыл вверх на облаке, а Се Биань, глядя на стремительно проносящийся позади пейзаж, произнес:

— Похоже, клану Чжань вот-вот придет конец?

Фань Уцзю кивнул:

— В последние годы клан Чжань был крайне недоволен бездействием клана Инь. Клан Чжань знал о выходе императорской гвардии, но не проронил ни звука: во-первых, желая избавиться от клана Инь, а во-вторых, чтобы использовать его как разменную монету.

Услышав это, Се Биань немало удивился, нахмурился, погрузившись в раздумья, и задумчиво протянул:

— Ситуация при дворе уже предельно ясна, не за горами императорские экзамены. Раз уж Инь Сю — чжуаньюань, полагаю, и трон скоро сменит хозяина.

С этими словами он перевел взгляд на Мэн Чао, находившуюся в комнате.

<http://bllate.org/book/26131/3129607>